

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ДНЕ ИСТОРИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ

Появление в календаре такой памятной даты, как День исторического наследия, мне представляется важным свидетельством изменений в курсе государственной политики. В последние годы предпринимались попытки перекроить общественное сознание по американским «лекалам».

Но что-то не заладилось, и Россия закончила XX век на распутье: какую дорогу выбрать? Чьи модели принять за образец?

В своё время видный русский историк В.О. Ключевский писал: «Каждому народу история задаёт двустороннюю культурную работу – над природой страны, в которой ему суждено жить, и над своей собственной природой, над своими духовными силами и общественными отношениями».

Культурная работа над общественными отношениями

Тамара
Соломсторжская

Из отечественной истории хорошо известно о реформах, предпринимаемых с целью приобщить Россию к европейскому стандарту. Вспомним хотя бы Петра Великого и Екатерину II.

Тот же Ключевский отмечал: «В цепи отношений, связующих власть с обществом, не было одного звена, которое Пётр I пытался вставить, но которое после него не было закреплено и выпало. Это звено — *народное убеждение*, совместное дело власти и общества, слагающееся, с одной стороны, из сознания общего блага, с другой — из умения внушить это сознание и уверить в своей решимости и способности удовлетворять потребностям, составляющим общее благо».

В элементарном курсе, составленном М. Острогорским в конце XIX века для изучения русской истории школьниками младшего возраста, сквозит живой колорит авторского понимания событий и фактов. Учебник переиздавался в дореволюционное время 30 раз и отнесён к классическим пособиям за лаконичное и строгое изложение истории страны. Вот как представлен Пётр I в его учебнике. «Я вам царь, — сказал он однажды, — а у меня мозоли на руках, и всё для того, чтобы вам пример показать. Стыдно нам, что иностранцы во всём нас опередили».

И дальше оценка его правления: «Тридцать пять лет неустанной деятельности Петра Великого не прошли для России даром. Это была уже не та малоизвестная «дикая Московия», как называли её прежде иностранцы, а грозная европейская держава. В исполнении свершённого выказались блистательный ум и способности русских людей, без помощи которых один человек, хотя и такой как Пётр, не мог бы пересоздать Россию. Но до него великие силы эти точно дремали в русском народе. Пётр пробудил их».

Хвала!.. Он русскому народу

Высокий жребий указал.

А.С. Пушкин

Вдохновил ли этот высокий жребий русский народ? Острогорский обращает внимание подростков на нравы людей петровского времени: «...преобразования Петра благотворно сказались на нравах русских людей и их образе жизни.

Они менялись к лучшему, но очень медленно. В первую очередь, наблюдались главным образом во внешности, в одежде, в разговоре, в убранстве домов, но всё ещё не было *честного исполнения служебных обязанностей, трудолюбия, правдивости и добрых отношений друг с другом, а особенно с низшими. Обращение было ещё грубое и жестокое... лихоимство, взяточничество по-прежнему были всеобщим пороком. И крупные, и мелкие чиновники обкрадывали казну или обирали частных лиц, имевших до них дело*» (Здесь и далее курсив мой. — Т.С.).

В «Историческом похвальном слове Екатерине Великой» другой крупный отечественный историк —

Карамзин писал, что Россия в это деятельное царствование, «которого главной целью было народное просвещение, столь преобразилась, возвысилась духом, созрела умом, что отцы наши, если бы они теперь воскресли, не узнали бы её».

По поводу оценки, данной Карамзиным Екатерине II,

столетием позже Ключевский замечает, что «всё это можно было бы сказать и о Петре Великом, даже с прибавлением того, что его главной целью было ещё народное обогащение; люди времён Алексея Михайловича также не узнали бы своей старой московской *всёя Руси* в созданной его сыном Российской империи с Санкт-Петербургом, Крондштатом, флотом, балтийскими провинциями, девятимиллионным бюджетом, новыми школами и т.п. Однако даже в обществе, захваченном реформой, не в простонародной массе, незаметно такого общего весёло-умилённого отношения к памяти Петра, какое потом установилось к Екатерине II».

Рассматривая в ретроспективе те движения, следствия которых «современникам не дано распознать и которые определяют их эпоху», потомки обнаруживают «ненормальное соотношение каких-либо общественных элементов» и могут «сообразить средства восстановления нарушенного равновесия». Эти знания могут послужить нам предостережением или, напротив, ободряющим сигналом.

«ДОВОЛЬНО СЛОВ, МЫ ХОТИМ ДЕЛА»

Обратимся к временам реформ Александра II, когда «Царский Манифест 19 марта 1856 г. возвестил новую для России эпоху — эпоху внутренней перестройки её жизни. Под девизом «Лучше отменить крепостное право сверху, нежели дожидаться того времени, когда оно само собою начнёт отменяться снизу» начались реформы в обществе. Анализируя состояние 15-летнего периода реформирования Руси, редактор «Гражданина» князь В.П. Мещерский подчёркивает: «В наше время — более чем когда-либо, — столько истрачено бумаги и шрифта на слова и столько в этих словах было неосуществившихся обещаний и никому не нужных исповедей, что общество вправе сказать: «довольно слов, мы хотим дела».

Первый номер журнала-газеты «Гражданин» вышел 3 января 1872 г. в Петербурге. Сказанные 135 лет назад слова о деле злободневны и для современного реформаторского движения, начатого в 90-е годы XX века и тоже по инициативе сверху.

В конце XIX века на выход нового печатного номера сразу же отреагировали собратья по цеху. Появились разнообразные отклики: в частности, петербургская газета «Nordische Presse» заметила, что направление нового печатного органа не было определено в вышедшем первом номере «Гражданина». Ответом редактора на это замечание открывается второй номер

журнала-газеты: «Мы разумеем великое слово «Гражданин» как труженик для внутренней жизни своего народа, но труженик самостоятельный в силу свободы уважаемого порядка». Далее автор язвительно отмечает: «Верно и то, что не во французском опошленном и обесиленном «citoyen» следует искать объяснения понятия «Гражданин», но в английском и немецком — Bürger». И с чувством собственного достоинства прибавляет, что «и русская история, несмотря на её отсталость, давно уже свою жизнь сложила верное представление о Гражданине своего государства. Через всю её тысячелетнюю историю проходит везде благородный тип русского гражданина, как сознательно-го бойца и смиренного труженика за честь, достоинство и благо своей родины».

Этот печатный орган выходил в царской России вплоть до 1914 года, ежемесячно освещая события внутренней и международной жизни. Советский энциклопедический словарь характеризовал журнал-газету «Гражданин» как реакционный орган. Но я подписываюсь под высказыванием князя Мещерского: «Быть гражданином — не значит кричать о свободе, но значит свободно участвовать в правильном движении своего народа вперёд. Движение вперёд, определяемое не потребностями всех, а капризами нескольких, кто бы они ни были, перестаёт быть историческим и органическим развитием государства».

В этих словах — предостережение нам, сегодняшним россиянам. Что же касается слова *гражданин*, то из слов Мещерского следует, что у каждого из перечисленных им народов — у французов, немцев, англичан, — своё толкование этого понятия. Первоначальная калька от греческого слова «политес» — житель полиса, т.е. горожанин, наполнялась конкретным содержанием в соответствии

с национальным укладом и психологией народа. Современные реформаторы предложили россиянам американскую модель гражданского общества, в которой главенствующую ценность составляет уровень жизни, выбор денежного дела. Для русского менталитета традиционно было важно иное — **смысл жизни, самопожертвование ради Отечества, защита правого дела.**

Правое дело

Хочется обратить внимание на одно обстоятельство: близость двух праздничных дат в нашем календаре: 18 апреля — День исторического наследия и 9 мая — День Победы. Празднование Дня Победы в этом году отличалось особым градусом воодушевления. Несмотря на то что прошло 62 года, память об этом событии не только не стирается, но, напротив, накал чувств увеличивается. Самоотверженность и самопожертвование поколения, отстоявшего страну и мир от фашизма, являются для сегодняшних молодых россиян нравственным камертоном.

Много споров вокруг нашей Победы. Но для меня важно другое. Что помогло народу выдержать, казалось бы, нечеловеческие испытания? Думаю, что вера в победу **правого** дела. В стране после первых месяцев растерянности удалось придать войне священный образ. Он питал и надежду, и дух народа. На алтарь Победы были отданы все жизненные силы и бойцами, и мирным населением. Сомнения, звучащие в мировой прессе, относительно решающей роли советского народа в победе над фашизмом оцениваются в России как святотатство.

Предполагаю, что это провокации, направленные на то, чтобы у российских властей не выдержали нервы, как они не выдерживают у населения.

Другая рядом стоящая в календаре дата, 18 апреля, — День исторического наследия, посвящена другой ипостаси — труженика, если придерживаться определения Мещерского о русском Гражданине как **сознательном бойце и труженике за честь, достоинство и благо своей родины.**

Вдохновляющим же моментом для русского Гражданина, как показывает и тысячелетняя история России, и Победа в последней мировой войне, является **народное убеждение в том, что дело должно быть правым.** То, что с годами народ всё торжественнее

чувствует победителей фашизма, свидетельствует о том, что за прошедшие годы мирной жизни **труженикам** нечего противопоставить по значимости содеянному **бойцами.** Суэта вокруг **денежных** дел и беспомощность в условиях разгула экономической

и криминальной преступности производят на народ удручающее впечатление.

Космополиты

После того как рухнул «железный занавес» и россиянам предложили строить «открытое общество», миллионы наших соотечественников эмигрировали за рубеж, чтобы воспользоваться условиями жизни и работы в высокоразвитых странах.

Не всем из уехавших повезло найти дело, реализовать свои знания и таланты, но каждый получил важный урок. Потому что, как свидетельствовал известный австрийский писа-

тель С. Цвейг, всякая форма эмиграции сама по себе неизбежно вызывает определённое нарушение равновесия. Эмигрировавшие соотечественники не так внятно формулируют свои ощущения. Наверное, надо быть Цвейгом, чтобы так остро передать чувство утраты родины: «Перестанешь — и это надо пережить, чтобы понять — держаться прямо, когда не чувствуешь больше под ногами родной почвы, становишься менее уверенным, более недоверчивым по отношению к самому себе».

Знакомясь с обстоятельствами, описываемыми Цвейгом, понимаешь его ностальгию. С юности он мечтал о единстве мира, единстве Европы — не государственном, не политическом, а культурном, сближающем, обогащающем нации и народы. «До 1914 г. я путешествовал в Индию и в Америку, не имея паспорта и даже вообще не имея представления о таковом. Ехал куда и когда хотел, не спрашивая никого и не подвергаясь расспросам, не было необходимости заполнять ни одну из той сотни бумаг, которые требуются сегодня... Только после Первой мировой войны началось искушение мира национализмом, и явным проявлением этой духовной эпидемии нашего столетия. Явилась ненависть к иностранцам или, по меньшей мере, страх перед чужеродным».

После окончания Первой мировой войны Цвейгу казалось, что самое страшное позади. Но в глубине буржуазного мира уже начиналось брожение: фашистская чума захватывала всё новые страны Старого Света. Писатель близко видел штурмовиков и слышал, как они распевают: «Сегодня нам принадлежит Германия, а завтра — весь мир». Тучи сгустились и над ним лично, он был вынужден покинуть родину. «Почти полстолетия я приучал моё сердце биться как сердце «citoyen du monde (гражданина мира)», — признаётся Стефан Цвейг. — В тот день,

когда я утратил мой паспорт, я — в пятьдесят восемь лет — обнаружил, что со своей родиной теряешь больше, чем кусок застолблённой земли». Тогда его родина — Австрия — была присоединена Гитлером к Германии и потеряла статус суверенного государства, а он, чтимый во многих странах литератор, свободно путешествовавший по миру, оказался безродным.

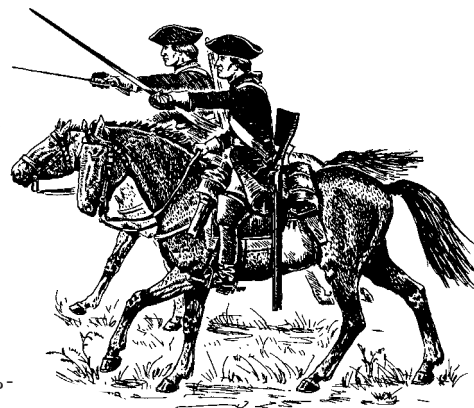
Победоносный марш гитлеровских орд по Европе, который воспринимался известным гуманистом как мировая агония, катастрофа, привёл писателя к трагическому концу. Прошло 65 лет со дня добровольного ухода Цвейга из жизни. Эту общемировую драму он перенести не смог. Но и сегодняшние поколения живут в Европе не без тревоги. На смену **космополитизму**, когда человек «в высоком смысле не знает родины, как не знают её рыцари и пираты красоты, которые носятся по городам мира, алчно вбирая в себя всё прекрасное, встречающееся на пути», пришёл **глобализм**.

Находясь на литературном Олимпе, Цвейг осуждал «безопасный и безответственный банкетный европеизм». Теперь над миром возвышается экономический Олимп, на который устремляются наднациональные корпорации, не подчиняющиеся законам своих стран. Параллельно с этим во всех странах ужесточаются условия пересечения границ, и большинство граждан не обладает той степенью свободы передвижения, о которой рассказывает в своих «Воспоминаниях европейца» С. Цвейг.

Мы воспринимаем процедуру оформления заграничного паспорта, предъявление свидетельства о состоянии здоровья, справки о прививках, приглашения и адреса родственников, моральные и финансовые гарантии, подписание анкеты в трёх или четырёх экземплярах как естественный порядок вещей. Контакты с консульской службой не доставляют удоволь-

ствия, но заставляют мириться как с необходимым. Цвейг, имеющий большой опыт передвижения, отмечает: «С душой, рождённой свободной, приходится постоянно чувствовать, что являешься объектом, а не субъектом, что прав у тебя нет никаких, а всё лишь милость властей». Власти стран, гордящихся своим демократизмом, обеспокоенные распространением терроризма, ужесточают контроль в своих обществах. И гражданам вводимые ограничения понятны — это отклик свободного общества на возникшие обстоятельства. Но наши российские обстоятельства не учитываются в зарубежных обществах, вызывают осуждение и оцениваются как стремление к тоталитаризму. Усугубляют ситуацию и отечественные оппозиционеры, которые считают своим долгом раздувать критику отечественных властей в так называемых свободных СМИ, присовокупляя к ней и своё недовольство властью.

Здесь нелишне вспомнить А.С. Пушкина, 170-летие со дня смерти которого отметила в этом году российская общественность. Обращаясь ко всем оппозиционерам, он подчеркнул, что их труды «*принесли бы истинную пользу, будучи представлены с большей искренностью и благоволением; ибо нет убедительности в поношениях и нет истины, где нет любви*». Но в то же время важно помнить предостережение и другого великого сына земли русской, И.С. Тургенева: «Сохрани нас Бог впасть в слепое поклонение всему русскому потому только, что оно русское; сохрани нас Бог от ограниченных и, скажу прямо, неблагодарных нападков

на Запад». Не следует забывать, на его взгляд, что «мы народ не только европейский; мы недаром поставлены посредниками между Востоком и Западом; недаром наши границы касаются древней Европы, Китая и Северной Америки, трёх самых различных выражений общества». Значит, мы, аборигены, имеем возможность выявить своё своеобразие в широком диапазоне культур и понять себя, ибо сказано: «вернейший признак силы — знать свои недостатки, свои слабости».

В заключение вернусь к историку Ключевскому. И сегодня «...требуется от каждого из нас, от каждого русского человека, отчётливого понимания накопленных народом средств и допущенных или вынужденных недостатков своего исторического воспитания». По его мнению, «нам, русским, понимать это нужнее, чем кому-либо». День исторического наследия поднимает для каждого из нас значимость

изучения и творческого осмысления своей истории, чтобы, по выражению Ключевского, «сократить передержки и пополнить недоимки, восстановить равновесие народных задач и средств». Но каждое время выдвигает и новые проблемы. Теперь мир живёт в условиях глобализации. И России нужно выстоять и сохранить себя в усложнившихся условиях мировой конкуренции. Мы гордимся ратными делами наших отцов. Быть достойными их памяти — это значит не только с воодушевлением праздновать День Победы, но с неменьшим энтузиазмом проявить себя **тружениками за честь, достоинство и благо своей родины**. А наше историческое наследие подсказывает **средство достижения победы** в сегодняшней конкурентной борьбе за «место под солнцем» — это **совместные усилия народа и власти и народное убеждение, что эти усилия направлены на правое дело. ПО**

